

Уважаемый читатель! Вашему вниманию предлагается статья академика РАН, директора Института Европы Российской академии наук Н.П. Шмелева, ранее опубликованная в журнале «Современная Европа» (2006, № 1). Перепечатка осуществлена с любезного согласия Н.П. Шмелева, члена Международного совета нашего журнала.

Представляется, что ознакомление широкого круга белорусских экономистов и политиков с этой работой, ее основными выводами будет чрезвычайно полезным, поскольку в ней изложены возможные сценарии развития России в долгосрочной перспективе. Хотя они по сути альтернативны, но, как мне кажется, в равной мере реалистичны.

Знание возможных направлений и тенденций динамики российской экономики, основанных на глубоком и всестороннем анализе факторов, условий и императивов развития как национальной экономики, так и мирового хозяйства в эпоху глобализации - залог выработки эффективной стратегии функционирования белорусской экономики, ключевым партнером которой Россия будет оставаться еще долгое время.

Академик Н.П. Шмелев - не только крупнейший ученый, но и известный российский публицист, прозаик. Общение с его текстами - это и эстетическое удовольствие, способствующее легкому восприятию сложных вещей.

В.Н. Шимов

РОССИЯ ЧЕРЕЗ 50 ЛЕТ: ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО

Н.П. Шмелев,

академик, директор Института Европы Российской академии наук

Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба ...

*Первое послание к фессалоникийцам
святого апостола Павла, 5:3*

Столь печальный эпитаф выбран для этой статьи, конечно, не случайно. Думается, он в самой сжатой форме отражает то настроение, в каком российский человек в массе своей жил (и живет) вот уже как минимум пять поколений подряд, с начала XX в. и по сегодняшней день. Вряд ли еще какой народ в истории пережил всего за сто лет столько кровавых войн и не менее кровавых революций, не говоря уже о массовых, тотальных голодовках. Только полномасштабных войн на памяти наших, можно сказать, поколений было восемь: японская, первая мировая, гражданская, польская, финская, Великая Отечественная, афганская и последняя, чеченская,

конца которой не видно даже и сегодня. И революции: 1905 г., февральская 1917 г., октябрьская 1917 г., невероятная по своим губительным последствиям коллективизация 1929-1933 гг. и столь же губительный «революционный» террор 1937-1938 гг., наконец, нынешняя, «демократическая» революция, которая по своей «социальной цене» тоже вполне сопоставима с теми, что были ранее.

Естественно, что при подобных, скажем так, наследственных настроениях из двух главных возможных сценариев развития России в ближайшие 50 лет - пессимистического и оптимистического - первым в голову приходит именно пессимистический, пронизанный

ожиданием грядущей катастрофы и «конца истории» России. К такому выводу подталкивает многое, причем из самых разных и часто даже не связанных между собой (на поверхностный взгляд) сторон нашего бытия.

Начать хотя бы с того, что нельзя не признать определенной обоснованности утверждений тех, кто говорит сегодня, что российский народ просто «выдохся», надорвался, что ему уже никогда не восполнить тот чудовищный генетический ущерб, который нанесли ему за XX в. все эти войны и безжалостные эксперименты наших разномастных революционеров, что, в соответствии с теориями таких мыслителей, как О. Шпенглер, А. Тойнби, Л.Н. Гумилев, он уже прошел пик своей «пассионарность™» и ему осталось только медленно, потихоньку (и хорошо бы безболезненно) вырождаться, растворяясь в более мощных, более жизнеспособных цивилизациях. Неоткуда, дескать, больше ему взять внутренней динамики: последнее, что у него оставалось из накопленного веками, истрачено в годы большевистского террора и в кровавой мясорубке второй мировой войны. XX в. сломал России хребет: доказательством этого служит самопроизвольный (как говорится, «на ровном месте») распад в 1991 г. великой сверхдержавы на множество едва ли исторически жизнеспособных осколков и территориально все еще огромный, но внутренне аморфный, желеобразный массив собственно России, единственной гарантией существования которой является ее сохранившийся пока от прежних времен ракетно-ядерный потенциал. Но и он надолго ли?

Не добавляют оптимизма и попытки представить себе расклад сил на мировой арене в ближайшие полстолетия. Жизнь показала, что надежды человечества на всеобщий мир и «в человецех благоволение» оказались в XXI в. столь же призрачными, какими они были и во все предшествующие времена. Свокорыстный интерес, произвол, стремление решать силой старые и новые проблемы, борьба за геополитическое пространство - все это как было с древнейших времен, так и остается движущей силой международных отношений вплоть до сегодняшнего дня. И нет сколько-нибудь серьезных надежд, что в ближайшие пару поколений мир научится жить по другим законам - вза-

имной терпимости, компромиссов, учета интересов как больших, так и малых членов мирового сообщества, объединения усилий всех наций в решении общемировых неотложных проблем.

Наиболее серьезными в перспективе представляются вызревающий уже сегодня конфликт и борьба за общемировое влияние двух ведущих мировых центров силы - США и Китая. При сохранении нынешней динамики - причем и в военно-политической, и в экономической, и даже в научно-технологических сферах - вполне вероятно, что к середине XXI в. США вынуждены будут уступить первенство на мировой арене Китаю (особенно, если ему удастся без большой войны воссоединиться с Тайванем). Если разнобразное влияние Китая в Южной и Юго-Восточной Азии будет возрастать нынешними темпами (а судя по всему, так и будет) и если ему удастся установить некие похожие на союзнические отношения с другим азиатским гигантом - Индией, то можно будет, наверное, говорить (пользуясь критериями этой самой «пассионарность™») уже не только о «закате Европы», но о начинающемся закате всей евро-атлантической цивилизации.

В этой борьбе России (если исключить возможность ее глухой самоизоляции и превращения вновь в «осажденную крепость») придется выбирать, с кем ей быть: с США и Евросоюзом или с новым восточноазиатским сообществом, возглавляемым Китаем. И в том и в другом случае ее ждет подчиненная, подсобная, второстепенная роль ведомого, идущего в кильватере за лидером. Конец «самостоятельной истории» России при таком развитии событий представляется, естественно, лишь вопросом времени.

Другой важнейший и, вероятно, долгосрочный фактор современной международной ситуации - всплеск исламского фундаментализма и международного терроризма, ставшего органическим его порождением. Трудно не согласиться с теми, кто утверждает, что новая, третья, мировая война началась, война без границ и без правил, и неизвестно, когда, где и как эта война закончится. Однако, в отличие от борьбы двух ведущих мировых центров силы - евро-атлантической цивилизации и восточноазиатского сообщества, - которая вряд ли когда-либо примет вид

прямого вооруженного столкновения (тем более с применением всех современных вооружений), агрессия исламского фундаментализма имеет ту особенность, что она с самого начала нацелена на вооруженную борьбу и, следовательно, может быть в конце концов так или иначе раздавлена силой. Будет ли такая сила организована в полномасштабную международную союзническую коалицию, ведущую прямую, открытую борьбу на всех фронтах, где ей бросают вызов фундаментализм и терроризм, и будет ли новая Россия активным участником подобной коалиции - представить себе сейчас достаточно трудно.

Но одно, похоже, ясно: при любом повороте событий Россию ожидает многолетняя, упорная и дорогостоящая борьба с исламским экстремизмом и международным терроризмом, во-первых, на ее границах с Центральной Азией и Кавказом и, во-вторых, внутри страны, где многовековой межконфессиональный мир тоже может оказаться достаточно хрупким. Все это, естественно, потребует серьезнейшего напряжения как политических, так и экономических сил страны и, несомненно, сильно затруднит ее выход из нынешнего системного кризиса.

Наконец, еще одна общемировая угроза, которая и для России на ближайшие полвека останется, по-видимому, весьма актуальной. Речь идет о медленном, но верном расползании ядерного оружия по миру и угрозе его применения в каком-нибудь локальном конфликте или в ходе очередной атаки международного терроризма. Потенциальных очагов возможной ядерной вспышки в мире уже достаточно: незатухающий ближневосточный конфликт и надвигающееся ядерное противостояние Ирана и Израиля, углубление иррационального, преимущественно идеологического конфликта между Ираном и США, застарелое соперничество Пакистана и Индии, прежде всего по территориальным вопросам, конфликт между Северной и Южной Кореей вкупе с союзником последней США, наконец, возможное попадание ядерного оружия в руки самых оголтелых международных террористов - все это делает мир и в перспективе столь же неустойчивым, каким он является сегодня. Не важно, далеко или близко от границ России, или вовсе внутри ее собственной территории может случиться

ядерная вспышка. При любом, как говорится, раскладе, исходя из простого инстинкта самосохранения, Россия вынуждена будет в ближайшие десятилетия отвлекать на цели собственной безопасности силы и средства, вряд ли намного меньшие, чем она это делала в советские времена. А для полуразрушенной в результате скоропалительных реформ страны это может оказаться и непосильным.

Разумеется, список внешних угроз, ведущих в предстоящие десятилетия в целом не к усилению, а, скорее, к ослаблению России, далеко не исчерпывается только перечисленными. В грядущий мировой хаос не могут не внести свой вклад и такие острейшие проблемы XXI в., как безудержная и безжалостная глобализация в пользу «золотого миллиарда», оставляющая в стороне от своих достижений большинство населения планеты; многомиллионные потоки стихийной миграции, меняющие этническое и цивилизационное лицо современного мира, в первую очередь стран, составляющих ядро евро-атлантической цивилизации; кровавые региональные и межэтнические конфликты почти на всех континентах; наркотрафик и трансграничная преступность; экологические опасности, природные и техногенные катастрофы, эпидемии, болезни, голод, неграмотность многомиллионных масс и прочее. Конечно, можно уповать на то, что за пятьдесят лет человечество сможет выработать, наконец, нечто похожее на мировое правительство, которое сумеет взять под контроль эти разрушительные процессы и остановить или, по крайней мере, ослабить вероятный мировой хаос. Однако, судя по прошлому опыту, сегодня, как и раньше, надежда на подобное развитие событий может быть только очень и очень слабой.

Но, как представляется, приближающийся конец «самостоятельной истории» России (в традиционном ее облике) связан не столько даже с внешними факторами, сколько с нынешним внутренним состоянием страны. Россия больна изнутри, больна наследственно, и примененная к ней после 1991 г. «революционная терапия» лишь усугубила те болезненные процессы, которые начали складываться в ее недрах еще в советские времена.

И первыми в длинном списке болезней современной России следует, по-видимому,

назвать резко ускорившийся процесс депопуляции страны, углубляющийся демографический кризис и запустение огромных ее территорий, заметные сдвиги в ее этнической структуре, отток населения из восточных ее районов на Запад, а не наоборот (как это было до Октябрьского переворота), сократившуюся под влиянием прежде всего искусственных, политико-административных причин иммиграцию в ее пределы и одновременно возросшую эмиграцию, причем наиболее активной, дееспособной и образованной части населения. Все это порождает весьма обоснованные опасения, что в предстоящие полстолетия Россия не сможет удержать в своем составе, по меньшей мере, Восточную Сибирь и Дальний Восток, а возможно, и пояс прикавказских автономий. Где будет пролегать восточная граница России в середине XXI в. - по Лене, по Енисею, а может быть, и по Оби, и даже по Уралу, - предсказать сегодня не возьмется, конечно, никто.

Но одно очевидно: без целенаправленных общегосударственных усилий (причем с упором именно на государственные инвестиции и поощрительную социальную политику, поскольку стихии рынка решение подобных задач, по определению, не по силам) преодолеть эту опасность естественного, не вызванного никакими внешними силами, дальнейшего развала страны невозможно. К сожалению, преобладающая пока в российском руководстве ультралиберальная идеология либо, пряча, как страус, голову в песок, пренебрегает этой крупнейшей проблемой современности, либо даже и того хуже - сознательно ведет дело к избавлению страны от «излишнего бремени», как сознательно был инициирован в 1991 г. развал Советского Союза под тем же самым предлогом избавления России от «бремени всяких нахлебников».

Нет никакой уверенности и в том, что в предстоящие полстолетия (т. е. статистически - за время смены двух поколений) Россия сумеет преодолеть последствия тех жесточайших структурных изменений в экономике, которые ей пришлось претерпеть в последние пятнадцать-двадцать лет. За исключением энергосырьевого сектора и отчасти военно-промышленного комплекса, старый, создававшийся десятилетиями экономический потенциал страны разрушен или

почти разрушен: традиционное тяжелое машиностроение и приборостроение, авиационная и автомобильная промышленность, железнодорожное строительство, судостроение, весь комплекс потребительских отраслей, аграрный сектор и др. По достаточно распространенным оценкам, в новых, рыночных условиях имеет шансы выжить не более 1/3 того промышленного потенциала, который Россия имела перед началом ультралиберальных реформ. Каким будет новое промышленное и технологическое лицо России в предстоящие десятилетия, каким будет стремительно пустеющее российское село, что страна сумеет сохранить из своего еще недавно уникального научно-технического, образовательного и культурного потенциала, - в свете нынешних тенденций любые попытки заглянуть даже за ближайшие горизонты пока не радуют никак.

Мир вступил в новую эпоху - в эпоху экономики, основанной на знаниях. В грядущие полстолетия можно ожидать всего: и выхода человека в далекий космос, и освоения новых, нетрадиционных источников энергии, и нового взлета генетических и иных биотехнологий (вплоть до выращивания людей в колбах), и дальнейшего взрывного распространения сетевых коммуникационных структур, и превращения компьютеров и разного рода роботов в реальных конкурентов человека. Как высказался недавно наш выдающийся биохимик академик А.С. Спиринов, «в век информатики и вычислительной техники стало очевидно, что человек проиграл компьютеру. Вероятно, в будущем он станет игрушкой для компьютеров, которые лучше и быстрее соображают, что и как надо делать».

Возникает, естественно, вопрос: а Россия к этому готова или, по крайней мере, готовится? Похоже, что нет - не готова и не готовится (на деле, конечно, не на словах). Чтобы встретить во всеоружии неумолимо надвигающиеся перемены в экономическом и технологическом развитии мира, чтобы перестроить, переиначить всю внутреннюю структуру российской экономики, да во многом и всю жизнь страны, нужны (при ясном осознании цели, к которой российское общество должно стремиться), во-первых, достаточные средства (капитал) для соответ-

ствующих инвестиций, во-вторых, побудительная мотивация экономических агентов (частных и/или государственных) к необходимым переменам, в-третьих, человеческие мозги (в политике, науке, технике, образовании, культуре), которым было бы под силу подобные перемены осуществить. Однако по всем этим направлениям сложившиеся сегодня условия в стране никак не способствуют особому оптимизму (если исключить, конечно, издревле присущую российскому человеку надежду на чудо).

Прежде всего, никогда, наверное, ни одна страна в истории не попадала в такую нелепую, абсурдную с точки зрения обычного здравого смысла ситуацию, когда деньги (т. е. инвестиционные и прочие средства) ей на деле оказались не нужны. И это при тех колоссальных неудовлетворенных и неудовлетворяемых потребностях в деньгах для решения самых неотложных инвестиционных, социальных, общекультурных задач, которые стоят сегодня перед страной! В последние полтора десятка лет, по разным оценкам, от 300 млрд до 1 трлн долл. США частных капиталов «сбежало» из страны. Такого массового экономического «кровопускания» не было в истории нигде и никогда. Но и этого оказалось мало. В последние годы государство само вывело за рубеж порядка 200 млрд долл., которые оно аккумулировало в виде валютных резервов Центробанка и накопленный Стабилизационного фонда и которые оно «влило» на самых льготных условиях в экономику Запада, а не в собственное народное хозяйство. В это же время политику России стал почти официально определять абсолютно уже невероятный для нормальных людей лозунг. «Чем меньше денег в стране, тем лучше». И если смотреть на вещи трезво, то теперь уже вряд ли когда эти эмигрировавшие деньги в массовом порядке вернутся обратно: в основной их части экономика Запада уже успела впитать их и переварить.

Столь же ненадежными представляются и упования на внутренние российские накопления. Как известно, основным инвестором в мире является не Рокфеллер, а та старушка, которая отнесла в банк свои «гробовые». Но розничный российский держатель денег, дважды как минимум (в 1992 и 1998 гг.) подчитую ограбленный государством, не доверяет

сегодня ни банкам, ни фондовому рынку, ни пенсионным фондам, ни государству вообще, и неизвестно, сколько потребуется десятилетий, чтобы его доверие восстановить. Пока он предпочитает «короткие», а не «длинные» деньги, а суммы денег, хранимых и вовсе «под матрасом», сегодня, по оценкам, не меньше тех, что вложены во всю организованную банковскую систему.

Но и деньги нашего бизнеса тоже не могут пока быть гарантией решения проблемы накопления. В первую очередь, они по-прежнему стремятся уйти за рубеж, а то, что остается внутри страны, явно недостаточно для решения ее основных структурных задач. Энергосырьевой сектор, торговля, гражданское строительство, спиртовое производство, финансовые спекуляции, криминальный оборот, отчасти телекоммуникации - вот, собственно, где оседают сегодня внутренние накопления нашего бизнеса.

Остается еще один потенциально значительный источник средств - иностранные инвестиции. Но для них никакого серьезного интереса Россия как производитель высокотехнологической продукции (т. е. потенциальный их мощный конкурент) не представляет. Россия привлекательна только как богатейший энергосырьевой придаток передовых стран (США, страны Евросоюза, стремительно набирающий силу Китай). И еще, конечно, как значительный и недостаточно пока освоенный рынок для всего спектра потребительской продукции - от колготок до автомобилей и самолетов. Думается, что России в этом контексте еще предстоят серьезнейшие испытания с непредсказуемым пока исходом, особенно в связи с ее вступлением в ВТО и неизбежным резким усилением иностранной конкуренции на ее внутренних товарных и финансовых рынках. По крайней мере, сегодня в профессиональной прессе на Западе нередко встречаются оценки, что, при полном «открытии» России, до 90% ее обрабатывающей промышленности просто «ляжет».

Итак, со средствами для массивного высокотехнологического «прорыва» России дело обстоит не очень обнадеживающе (если не сказать сильнее). Но не лучше оно обстоит и с побудительными внутренними мотивами для организации и стимулирования подобного «прорыва».

В сфере частного капиталообразования и автоматического, рыночного перелива капитала из отрасли в отрасль (прежде всего перелива из менее перспективных в более перспективные высокотехнологические, инновационные отрасли) России, видимо, еще очень долго придется расплачиваться за те фундаментальные ошибки, которые были совершены в 90-х годах прошлого столетия. Нет такого автоматического рыночного механизма, и никто не решится сказать, когда он у нас будет. Это историческая плата, во-первых, за дармовую, организованную сверху приватизацию огромных государственных активов, в одночасье превращавшую всякого рода нахрапистых проходимцев в мультимиллионеров и миллиардеров, и, во-вторых, за государственные же авантюры вроде выпуска пресловутых ГКО с доходностью до 200-300% годовых, полностью развративших, растливших российский деловой мир, который и сегодня, что называется, «не нагнется», если ему не светит прибыль меньше 100% годовых (при том что во всем мире считается нормой 5-15%). А такой поистине «заоблачный» уровень прибыльности возможен у нас только в энергосырьевых отраслях, спиртовом производстве, кое-где в торговле, в криминальном обороте, но никак не в высокотехнологических, инновационных отраслях (особенно на первых порах).

Когда психология российского бизнеса изменится, когда он приучится работать, получая 5-15% годовых прибыли, - вряд ли кто решится сегодня предсказать. Во всяком случае, первое поколение российского бизнеса (старший и средний возраст), которое сойдет со сцены через 20-30 лет, в этом отношении представляется безнадежным. А будут ли их дети и внуки, которым предстоит работать во второй четверти XXI в. более цивилизованными, менее алчными, более ответственными перед обществом и страной, можно только надеяться, но с уверенностью этого сказать нельзя. Вполне может статься и так, что наша болезнь приняла уже хронический, может даже генетический характер. Хотя справедливости ради надо заметить, что кое-какие надежды в связи с ростом образованности и расширением кругозора делового сообщества все же уже просматриваются.

Как бы то ни было, но приходится констатировать, что, по крайней мере до сих пор, серьезного побудительного мотива для частной инновационной деятельности и ускоренного развития высокотехнологических отраслей у нас в стране нет. Но при нынешней идеологии, которой все еще руководствуются российские верхи, трудно надеяться и на то, что, если уж так складываются дела, государство возьмет на себя основное бремя организации подобного «прорыва». Лозунг «как можно меньше государства», тенденция к снижению государственной активности во всех областях экономики (не только в промышленном строительстве, но даже и в инфраструктурных отраслях), фактическое неучастие государства в кредитовании экономики и в поддержке инновационного предпринимательства, в первую очередь малого и среднего бизнеса, наконец все то же стремление вывести средства бюджетного профицита (кстати, безусловно преждевременного) за рубеж и только малую часть возросших государственных доходов от мировых цен на нефть пустить в дело внутри страны - все это привело к выводу, что в реальности в государственном секторе российской экономики действенного стимула к инновационному развитию тоже нет. Удастся ли поставить во главу угла задачу создания всеохватывающей инновационной мотивации в стране за период жизни ближайшего и следующего за ним поколений - вопрос, ответить на который сегодня тоже не может никто.

И, конечно, не придает оптимизма и третий важнейший фактор, определяющий перспективы инновационного «прорыва» страны, - нынешнее состояние российских «мозгов». Все последние пятнадцать лет близорукая политика высшего руководства если не на словах, то на деле исходила из того, что фундаментальные и прикладные исследования, образование, система здравоохранения, культура в тех масштабах, которых они достигли в советские времена, есть излишество для страны, непозволительная роскошь, непосильное бремя, от которого чем быстрее она избавится, тем лучше. Сокращение расходов на науку в десять раз и на образование в пять раз, доведение государственных ассигнований на исследовательские цели до абсурдных 0,3% ВВП (во всех

высокоразвитых странах сегодня - 2-4% ВВП), нарочито нищенский, ниже даже среднего по стране уровень зарплаты ученых, конструкторов, преподавателей, работников здравоохранения и культуры вытолкнули (и продолжают выталкивать) наиболее талантливую, наиболее активную часть нашей творческой интеллигенции за рубеж или в сферу бизнеса.

Между прочим Германия после массовой эмиграции ученых в 30-х годах прошлого столетия до сих пор, вот уже 70 лет, не может в полной мере восстановить свой научный потенциал. Что-то похожее, вероятно, ожидает и нас в перспективе ближайших двух поколений. Даже при благоприятном развитии событий на то, чтобы воссоздать разрушенное - и по материальному обеспечению, и, главное, по кадрам - потребуются вряд ли меньше чем 20 лет. Пока же страна в этих областях продолжает движение отнюдь не вверх, а вниз. И многое говорит за то, что в ближайшие полвека Россия имеет все шансы превратиться в конце концов в подлинное «мировое интеллектуальное захолустье».

Большую тревогу вызывает и общее социальное состояние страны. Конечно, ничего похожего на новую «пугачевщину» или новый 1917 г. ожидать нет оснований. Россия на поколения и на века вперед, похоже, перенасытилась насилием и кровью. Но вот апатия, недоверие к жизни, неустроенность и нищета многомиллионных слоев населения, стремительно увеличивающаяся социальная пропасть между немногими невероятно разбогатевшими и основной массой населения, миллионы бездомных, беспризорных, брошенных на произвол судьбы людей, наконец коррупция и криминал, превратившиеся, по существу, в норму жизни страны, - эти пороки современного российского общества продолжают, как ржа, подтачивать его изнутри.

Ни о каком «прорыве», ни о каком взлете энтузиазма и творческой энергии трудящегося российского человека не реально, по видимому, и мечтать, пока не будут решены основные социальные задачи страны: во-первых, ликвидирован глубочайший разрыв в средней зарплате между той, которая была и остается характерной для жизни вот уже, по

крайней мере, четырех поколений россиян, и той, что получают за такой же труд работники во всех высокоразвитых странах (этот разрыв достигает сегодня порядка 6-10 и более раз); во-вторых, уменьшена до социально безопасного уровня разница в доходах между верхними и нижними по доходам 10% населения, составляющая у нас сегодня уже 15:1 (а неофициально 60:1) при 5-6:1 во всех странах, принадлежащих к евро-атлантической цивилизации; в-третьих, наконец, в стране построен не некий невиданный нигде социально-экономический мутант, а подлинное «социальное рыночное хозяйство», гармонично сочетающее в себе рыночные и вне рыночные (включая натуральные) формы удовлетворения общественных потребностей, прежде всего в социальном обеспечении, здравоохранении, образовании, жилищно-коммунальной сфере.

Пока, по крайней мере, во всех этих областях наблюдается движение не вперед, а назад - очевидный отход от общепринятых в мире принципов «социального рыночного хозяйства». Осознают ли опасность подобного курса поколения, которые будут жить и действовать в следующие полвека, а если осознают, то как быстро сумеют преодолеть это состояние апатии, всеобщей растерянности и ощущение глубочайшей социальной несправедливости, - сегодня об этом можно лишь гадать.

Одним словом, с реальной угрозой преращения «самостоятельной истории» России или ее превращения в историю уже другого государства, безусловно европейского и безусловно регионально очень значимого, но ограниченного теми пределами, в которых Московское царство находилось в эпоху царя Федора Иоанновича (конец XVI в.), следует, несомненно, считаться. Однако почти с той же степенью вероятности можно представить себе и другой сценарий будущего России к середине XXI в. - гораздо более оптимистический.

* * *

Прежде всего, исходя из прошлого России, весьма сомнительными кажутся все эти утверждения о том, что российский народ окончательно выдохся, устал, исчерпал все

запасы своей творческой энергии. Гибельные иностранные нашествия, периодическое разорение, всевозможные кровавые смуты и революции с удручающим постоянством сопровождали практически всю тысячелетнюю историю страны. Не раз уже возрождалась Россия, по существу, из небытия. Но возрождалась она неизменно отнюдь не ослабевшей, а, напротив, еще более могущественной.

Революция 1917 г., гражданская война, коллективизация и сталинский террор, страшные потери во второй мировой войне в своей совокупности - если говорить о крови и разрушении генофонда страны - стоили России много больше, чем затянувшийся ее современный системный кризис. Нынешняя Россия расплачивается в основном еще по тем, старым счетам. Некоторые современные наши генетики имеют, видимо, основания утверждать в этой связи, что потери в генофонде страны за период 1917—1953 г. будут естественным порядком восстановлены лишь примерно через пять поколений. Но это как раз и будет середина XXI в.! И это значит, что лицо и динамику России к этому времени будут, вероятно, определять люди, так сказать, первого сорта, а вовсе не то посредственное, худшее или даже наихудшее по качеству, что осталось в целости после всех трагических событий и передраг XX в.

Распространено также мнение: для того чтобы вдохнуть новую жизнь в страну, в ее народ, нужна новая всеохватывающая национальная идея, которая объединила бы Россию. Причем эта идея должна быть обязательно духоподъемной, равной по силе и замаху, скажем, идее духовного христианского спасения, или великодержавия (вплоть до панславизма и даже еще дальше), или избавления всего человечества не меньше чем от всяческого всемирного зла и несправедливости, - в общем, нечто похожее на то, что долгая российская история знала отнюдь не понаслышке. Думается, однако, что возможности возникновения подобного рода тоталитарных идей исчерпаны в России если не окончательно, то на весьма и весьма длительную перспективу. Кроме, возможно, одного случая: если Россия вновь подвергнется угрозе массивного нашествия извне. Но при поддержании на должном уровне ее

потенциала современных вооружений (в первую очередь ракетно-ядерного щита) такая угроза, чреватая гибелью для всего мира, вряд ли когда возникнет. Если, конечно, человечество по тем или иным причинам не сойдет когда-нибудь с ума.

Не следует ждать появления какой-то спасительной новой идеи, мобилизующей на подвиги весь российский народ, - ей просто неоткуда взяться. В перспективе, по меньшей мере двух ближайших поколений (а вероятно, и много дольше), спасительной может быть только одна в высшей степени простая идея, вернее, общее умонастроение, общая цель всего, российского общества: сохранение и благополучие народа, созидание, строительство, дальнейшее освоение и обустройство страны, достойная, надежная жизнь каждого человека и его близких. Как моральной основы этого, представляется, вполне достаточно не только для выхода страны из ее нынешнего системного кризиса, но и для дальнейшего рывка, «прорыва» России и в политической, и в социально-экономической, и в культурной областях. Для современного мира такой стремительный подъем за жизнь одного-двух поколений вовсе не диковина, примеры известны: Германия и Япония после поражения во второй мировой войне, «азиатские тигры», некоторые арабские страны, Бразилия, Индия и, конечно, Китай. И нет никаких объективных оснований считать, что российский человек в массе своей глупее, или ленивее, или нравственно слабее кого бы то ни было еще.

Отнюдь не обязательно неблагоприятным для России может быть и будущее развитие международной обстановки. Даже если не очень надеяться на усиление международного коллективного регулирования противоречивых мировых процессов (будь то реформированная Организация Объединенных Наций, или «большая восьмерка», или в своей совокупности сеть других авторитетных международных организаций), Россия в предстоящие полвека вполне в состоянии выстроить систему независимых, равноправных и взаимовыгодных отношений практически по всем направлениям международной политики.

Так, можно, видимо, вполне обоснованно ожидать, что отношения России с двумя пока ведущими центрами силы - США и

Евросоюзом - будут все более и более приближаться к отношениям прочного стратегического партнерства, основанного на взаимном доверии и взаимном интересе. После стольких десятилетий балансирования на грани взаимоуничтожения ни Соединенные Штаты, ни Россия не являются сегодня и, похоже, не будут и в перспективе реальной угрозой друг для друга. По существу, главной проблемой для США в будущем представляется возможный тесный союз России с их основным стратегическим соперником - Китаем. Но такое развитие событий также, по-видимому, отнюдь не обязательно должно стать реальностью. В то же время в борьбе против новой мировой опасности - международного терроризма - США и Россия объективно уже стали союзниками, и в дальнейшем России, по логике вещей, предстоит обеспечивать «северный фронт» против агрессии исламского фундаментализма, имея в виду в первую очередь Центральную Азию и, возможно, Кавказ. В отношении же весьма сомнительной нынешней линии США на противодействие укреплению СНГ и поддержку всякого рода «цветных революций», то ее перспективы сегодня далеко еще не ясны. Взять на свое содержание (причем на неопределенное время) энное число внутренних слабых новообразованных государств США вряд ли когда решатся. А с опорой только на собственные силы эти государства имеют весьма малые шансы войти на равных в международную политическую и, главное, экономическую жизнь.

Ничем чрезмерно опасным не грозит России и перспектива ее взаимоотношений с Евросоюзом, даже если он станет расширяться и дальше. Уж во всяком случае с этой стороны конца «самостоятельной истории» России ожидать не приходится. Военное столкновение между Россией и Евросоюзом невозможно, поглощение России европейским интеграционным процессом нереально (присоединение Турции, Балкан, Украины да еще и России - это было бы не усиление, а на деле развал всего исторического проекта «Единая Европа»), все имеющиеся сегодня разногласия между сторонами могут и, вероятно, будут со временем разрешены на основе взаимных компромиссов в обычном договорном порядке.

Более того, процесс дальнейшего «открытия» России (в том числе со вступлением ее в ВТО) значительно повышает для Евросоюза ее привлекательность как весьма перспективного партнера - и как энергосырьевой базы европейского континента, и как прибыльной сферы приложения капиталов, и как достаточно еще слабого в конкурентном отношении, но весьма обширного рынка, и, наконец, как обладателя пока еще мощного военно-промышленного и научно-технического потенциала, который в случае чего мог бы быть весьма полезен и для объединенной Европы.

Принятая уже сторонами на вооружение концепция «четырех общих европейских проблем», при всей ее аморфности, имеет все шансы в перспективе ближайших десятилетий далеко продвинуть Россию по пути превращения ее в безусловно европейское государство, ни в коей мере не затрагивая при этом ее политическую самостоятельность. Свобода передвижения через все европейские границы товаров, капиталов, знаний и людей, сближение правовых основ государственности, гарантии прав человека - если подобная цель будет достигнута за период смены всего двух поколений, это будет грандиозный исторический успех, и в первую очередь, несомненно, для нашей страны.

Конечно, Россия не только европейская, но и евроазиатская страна, и с этим нельзя не считаться. Будущее России (особенно ее восточных регионов) в значительной мере зависит от того, как ей удастся выстроить свои отношения с лидером восточноазиатского сообщества Китаем.

История много чему учит: она, между прочим, учит и тому, что, за одним, по существу, исключением (Индокитай), Срединная империя за долгие тысячелетия своего существования никогда не отличалась стремлением к территориальной экспансии. Не территории интересуют Китай, а, во-первых, возможности укрепления его энергосырьевой и водной базы, включая активное участие в разработке ресурсов таких его соседей, как Россия и Казахстан, во-вторых, новые рынки для его традиционной, а теперь и высокотехнологической продукции, в-третьих, облегчение условий, причем повсюду в мире, для миграции наиболее подвижной (но все-

гда лишь маргинальной) части его населения в поисках занятости и сфер приложения своих капиталов. К настоящему времени политическая база для долговременного сотрудничества и взаимодействия наших двух стран создана. И есть все основания ожидать, что даже такой сложный, деликатный вопрос, как трудовая миграция (в которой, следует подчеркнуть, заинтересованы обе стороны), со временем тоже найдет свое нормальное, т. е. договорно-правовое, разрешение, что позволит взять под взаимный контроль и соответственно дозировать стихийно складывающиеся миграционные потоки.

Отнюдь не мрачными можно представить себе и будущие отношения России со странами СНГ - традиционной сферой российского влияния. Вероятно, прежний Советский Союз никогда уже не будет восстановлен. Но создание и утверждение в грядущие полстолетия своего рода свободной конфедерации независимых постсоветских государств, костяк которой составят Россия, Украина, Беларусь и Казахстан и присоединиться к которой, не исключено, может и ряд других постсоветских стран, - это вполне реальная перспектива. Слишком многое и слишком долго связывало наши страны во всех областях жизни, чтобы полностью отказать от оценки так называемого «постсоветского развода» как исторически кратковременного замешательства. Сами по себе новообразованные государства, по большому счету, не нужны сегодня в мире никому, а самостоятельно, вне тесной связи друг с другом и с Россией, их реальный экономический потенциал при нынешних масштабах международной конкуренции вряд ли жизнеспособен. И даже в такой специфической области, как энергетика, каспийские и прикаспийские энергоресурсы (которые Запад сегодня рассматривает как резервные на случай широкомасштабного конфликта на Ближнем Востоке или осложнений в Латинской Америке) могут быть эффективно и, главное, надежно освоены лишь в рамках крупнейшего многостороннего международного проекта, не противоречащего, а, напротив, стимулирующего интеграционные процессы на постсоветском пространстве наряду, конечно, с самым активным участием всех заинтересованных западных партнеров.

Но безусловная необходимость свободы передвижения на постсоветском пространстве товаров, капиталов, знаний и людей, без чего немислимо себе представить ни сохранение в этих странах их старого, оставшегося от прежних времен экономического потенциала (кому еще в мире нужен, например, украинский сахар?), ни поддержание занятости их населения, ни развитие их науки и образования, ни тем более их серьезный прорыв на новые высокотехнологические мировые рынки, - это лишь одна сторона вопроса. Другая же состоит в том, что без опоры на взаимное сотрудничество, и в первую очередь с Россией, в ближайшие полстолетия не может быть решен, скажем, такой исторически наиважнейший вопрос, как обеспечение стран Центральной Азии водой, не может быть реализовано на деле строительство новой системы коммуникаций Запад-Восток или урегулирована проблема самопровозглашенных непризнанных государств, или, наконец, не могут быть обеспечены традиционные гарантии существования Армении и той же Грузии, особенно в условиях нарастающей агрессии исламского фундаментализма. Думается, что по всем этим направлениям в предстоящие десятилетия инициатив следует ожидать не столько от самой России, сколько именно от других постсоветских государств. От России в данном контексте требуется только, во-первых, навести наконец порядок в собственном доме и, во-вторых, отойти от нынешней нейтральной (а иногда даже и деструктивной) позиции в отношении своих постсоветских партнеров.

Никому ни в какой кильватер России в будущем выстраиваться не надо. В нарастающем соперничестве США с Китаем нам, сохраняя максимально добрые отношения с обоими соперниками, на самом деле незачем выбирать чью-то сторону. Россия, если ей удастся наконец преодолеть нынешний внутренний системный кризис, была и имеет все шансы оставаться впредь влиятельнейшей, самодостаточной во всех отношениях страной с надежной обороной, мощной экономикой, высокоразвитой наукой и культурой, страной, открытой для делового сотрудничества со всеми, кто проявляет к этому искренний интерес. Между прочим, это касается и ощутимой уже сегодня подспудной

борьбы между США и Китаем за доступ в перспективе к разработке российских энергосырьевых ресурсов, особенно в восточных районах страны. Как говорил когда-то А.П. Чехов: «Чего толкаться-то? Всем места хватит». И если новая Россия сумеет удержать в собственных руках политический контроль над постепенным своим вращением в глобальную экономику, ничего, кроме пользы, конкуренция между мировыми центрами силы для страны не принесет.

В целом в обнадеживающем, думается, направлении развивается и внутривнутриполитическое устройство России. Страна всерьез приступила (по сути, впервые в своей истории) к строительству демократического общества, и теперь, похоже, ничто, кроме угрозы вторжения извне, не может свернуть ее с этого пути. Будет ли у нас, учитывая российские традиции, своего рода «демократический цезаризм», или классическая парламентская демократия, или федерация с обширными полномочиями регионов, аналогичными, скажем, правам американских штатов, или канадских провинций, или даже швейцарских кантонов, - на предстоящие полстолетия не это представляется главным. Основной вопрос для двух как минимум ближайших поколений - создание прочного фундамента под всем зданием российской демократии, а именно действенной системы местного самоуправления. На это, между прочим, ведущие демократические страны потратили целые столетия. Дважды делала попытки и Россия: в середине XVI в. (в первой половине царствования Ивана Грозного) и во второй половине XIX - начале XX в. («земство»). К сожалению, терпения, как говорится, не хватило. Сегодня же мы вновь лишь в начале пути. Но без выборной, ответственной и в финансовом смысле самостоятельной системы местного самоуправления Россия вряд ли может рассчитывать на истинный подъем творческих сил народа, на утверждение законности и порядка сверху донизу и если не на искоренение, то, по крайней мере, на обуздание разъедающих ее изнутри коррупции и преступности. А с мелкими локальными конфликтами, возникающими по самым разным причинам то тут, то там, ей, по-видимому, придется уживаться еще долго. Показателен в этом отношении

пример многодесятилетней борьбы Великобритании с североирландскими сепаратистами или Испании с движением басков.

Не следует, думается, недооценивать и реальные возможности заметного ускорения социально-экономического развития России.

Даже самая болезненная в смысле перспектив проблема страны - демографическая - при соответствующей целенаправленной политике может быть, по-видимому, так или иначе решена. Конечно, это потребует колоссальных усилий не только со стороны государства, но и от всего российского общества. Во-первых, в самом близком времени государство должно изыскать необходимые средства (а они у него есть) для всемерной поддержки семьи, поощрения рождаемости, создания разветвленной системы льгот, в первую очередь жилищных, для молодых семей, ликвидации национального позора страны - бездомности, беспризорности, заброшенности миллионов людей, от детей-сирот до беспомощных стариков и инвалидов. Во-вторых, необходимо возродить прежнюю переселенческую политику России, благодаря которой за исторически короткие сроки ей удалось хотя бы отчасти освоить и заселить Сибирь и Дальний Восток. В-третьих, нужно устранить все административные и, что, может быть, даже еще важнее, психологические препятствия перед массовой иммиграцией на территорию России не только русских и русскоязычных, но и всех других граждан из бывших советских республик. Вполне возможно, в частности, что именно такая иммиграция станет одним, если не главным, способом заселения пустеющей российской деревни и малых городов. В-четвертых, не будет ничего удивительного, если в предстоящие полстолетия российское руководство обратится вновь к политике, которую наиболее масштабно и успешно начала проводить еще Екатерина II, организовавшая массовое переселение в Россию поселенцев из других европейских стран.

Будут ли это выходцы из стран Европы, или из Китая, или это будет даже такой экзотический вариант (предлагаемый, в частности, видным российским африканистом А.Б. Дэвидсоном), как приглашение постепенно вытесняемых из Южной Африки буров и других потомков европейцев, трудно сегодня

гадать. Проблема, несомненно, требует самого тщательного и добросовестного изучения. Но то, что Россия вновь может стать своеобразным «плавильным котлом» для самых разных национальностей, каким она практически на протяжении всей своей истории была для многих угро-финских, тюркских, монгольских, кавказских, не говоря уже о славянских, народов, - такую возможность сбрасывать со счетов никак нельзя.

Вера в лучшее будущее России позволяет надеяться и на то, что в не столь уж отдаленной перспективе в ней сложится экономическая система, в которой исчезнет наконец во многом искусственный конфликт между государством и рынком, государственной и частной собственностью, государственным регулированием и свободой предпринимательства. Уже сегодня просматриваются некоторые признаки того, что российское общество готово признать основные результаты пусть и скоропалительной, но ставшей уже непреложным фактом приватизации: новый передел собственности (неважно, в пользу ли государства или же других частных лиц) обойдется, что называется, себе дороже, резко нарушив только-только возникающее в стране состояние стабильности.

Можно, конечно, ожидать, что крупнейшие частные корпорации будут вынуждены предоставить обществу в лице государства какую-то одноразовую компенсацию за, по существу, бесплатно приватизированные активы. Можно и даже должно ожидать, что вместо существующей «несправедливой формулы деления рентных доходов от энерго-сырьевых ресурсов между бизнесом и государством» будет выработана новая формула, приближающаяся к той, что действует в таких, например, странах, как Норвегия и Саудовская Аравия. Весьма вероятно, что российское государство перестроит в недалеком будущем и свою налоговую систему, с одной стороны, освободив от налогов все капиталовложения в расширение или модернизацию производства, а с другой - отказавшись от «плоской шкалы» налогообложения частных доходов без различия их уровня и происхождения, что мало кому присуще в мире сегодня.

Государство, особенно в наших конкретных условиях, должно сосредоточиться на

нескольких важнейших экономических функциях, которые еще длительное время будет просто некому выполнять, помимо него.

Это, во-первых, дальнейшее развитие основной части инфраструктуры страны: дорог, коммуникаций, трубопроводов, электроэнергетики, водохранилищ, мелиорации, крупных портов, общественных зданий и сооружений, школ, больниц, природоохранных систем и т. д. Во-вторых, еще долго (если не всегда) будет существовать необходимость в казенных заводах, прежде всего оборонного назначения. В-третьих, государственные средства, помимо прямой инвестиционной деятельности, должны стать фундаментом всей кредитной системы страны, тем кредитором и страхователем «последней инстанции», каким государство является во всех благополучных странах. В-четвертых, без государственной помощи в виде налоговых послаблений, льготных кредитов, защиты от бюрократического и криминального рэкета и прочего малый и средний бизнес, давно уже ставший во всем мире основным двигателем экономического прогресса и источником инноваций, никогда у нас не окрепнет и не выйдет из «тени», где сегодня создается, по различным оценкам, свыше 40% ВВП страны. Столь же необходима государственная помощь и аграрному сектору, будь то индивидуальное фермерство или нарождающиеся фермерские кооперативы, или агропромышленные компании: без прямой бюджетной поддержки этого сектора нигде в мире не обходятся - ни в развитых, ни в развивающихся странах. И, наконец, в-пятых, нигде, даже в самых «рыночных» экономиках наука, образование, здравоохранение и культура не существуют без сплошь и рядом решающего участия государства в их содержании и финансировании. И вряд ли российский бизнес, даже при наиболее благоприятнейших условиях, когда-либо возьмет эту функцию целиком на себя.

Разумеется, как регулятор общего экономического климата, как бесспорный источник норм и правил, которым обязаны подчиняться все без исключения экономические агенты, государство незаменимо в любой системе. Деньги, бюджет, налоги, валюта, общегражданское и общехозяйственное законодательство - это всегда было и останет-

ся прерогативой государства. Никто не оспаривает сам этот принцип, сомнениям и спорам подвергается реализация его на практике, особенно первоочередность задач.

Представляется, что сегодня в регулирующей деятельности российского государства особо важное значение приобретают: во-первых, создание самых твердых гарантий неприкосновенности частной индивидуальной и корпоративной собственности, принуждение к соблюдению бизнесом общепринятых норм деловой этики, борьба против всех квазизаконных и вовсе незаконных способов захвата чужой собственности, против коррупции, организованной преступности и криминального оборота; во-вторых, восстановление (путем намного более существенных, чем сегодня, государственных гарантий) подорванного доверия внутренних и внешних инвесторов к российской кредитно-финансовой системе; в-третьих, отказ от абсурдной по своей сути политики бюджетного профицита, противоречащей всей веками устоявшейся мировой практике и резко ограничивающей бюджетные расходы как раз тогда, когда сокращать их нельзя ни под каким видом; в-четвертых, проведение самой жесткой антимонопольной политики, поскольку в сложившихся у нас условиях не только и даже не столько денежный фактор, сколько безответственная деятельность естественных и рукотворных монополий является основной причиной все еще незатухающей инфляции.

Определенный оптимизм внушает также и то, что российский «дикий» рынок 90-х годов понемногу, похоже, нормализуется. Эпоха «баронов-разбойников» в силу естественных причин приближается, кажется, к своему закономерному концу, и на смену им уже видится приход новых поколений деловых людей, привыкших или привыкающих соблюдать общепринятые в мире «правила игры». Остается все меньше и меньше сфер бизнеса, где сохраняется возможность получить заоблачно высокие прибыли, нормальной становится привычная миру психология «клиент всегда прав», все шире распространяется практика решения хозяйственных споров в обычном судебном порядке, сама собой постепенно исчезает ничем и никогда, казалось бы, неистребимая многомиллион-

ная армия «челноков», появляется все больше признаков того, что социальная ответственность отнюдь не так уж и чужда российскому бизнесу, особенно если он уже вышел из стадии «первоначального накопления». Как говорил когда-то Л.Н. Толстой, в конце концов «все образуется»: российский бизнес только-только начал выходить из стадии бурного, но все-таки детства, и те 5-6% населения, которые во всем мире составляют слой предприимчивых людей, как обнаружилось, сохранились и у нас, несмотря на все трагедии XX в. От государства этим людям нужно одно: не мешать им, а помогать и не менять, по мере возможности, слишком часто «правила игры».-

Отдельный, огромный по своему значению для страны вопрос: как остановить утечку капитала из России, которая, после краткого замедления, в последние пару лет вспыхнула с новой силой. Любые административные меры (да и налоговые тоже) могут в этом отношении дать лишь временный и весьма ограниченный эффект. Между тем от решения проблемы прямо и непосредственно зависит будущее страны в перспективе ближайших десятилетий. Ключевое слово здесь, по-видимому, одно: гарантии. Иначе говоря, твердые государственные гарантии того, что никаких угроз для частной собственности российское государство не допустит и что в стране всеми силами будет сохраняться политическая, экономическая и социальная стабильность, не меньшая, чем в тех странах, куда наш капитал убежал и все еще убегает. Создания таких же условий требуют и наши надежды на то, что в недалеком будущем вслед за реэмиграцией российского капитала последует приток капитала истинно иностранного, но уже не в экспериментальном, так сказать, а в массовом порядке.

Два поколения - достаточный срок и для того, чтобы избавиться от еще одного наследственного порока России: недопустимо заниженной и до сих пор занижаемой оплаты человеческого труда. Доля зарплаты в ВВП России сегодня составляет 30-32%, а во всех экономически передовых странах - 50-70%. Нечего и говорить, как это неблагоприятно сказывается на трудовой активности российского человека, на его творческой отдаче и его морали. Вынужденное безде-

лье, преступность, алкоголизм, наркомания, неустойчивость семьи - это все в первую очередь порождение бедности, а не его, человека, греховной природы.

Уже сегодня могла бы начаться воистину историческая и главная для страны социальная реформа: доведение в ВВП доли оплаты труда до уровня других высокоразвитых стран. Если бы сегодня был принят закон об обязательной минимальной оплате труда, скажем, 3 долл. в час (500 долл. в месяц), это означало бы рост доли зарплаты в нашем ВВП примерно до 40-50%. Конечно, подобный поистине радикальный сдвиг в социальном устройстве страны не может быть достигнут в одночасье: он потребует времени. Но без него трудно рассчитывать не только на резкий подъем производительности труда и оживление экономики, но и на создание какого-то социально устойчивого, эффективного баланса между рыночными и вне рыночными формами предоставления населению жизненно важных социальных услуг.

Будет ли подобный поворот достигнут в процессе цивилизованной парламентской борьбы, или он произойдет стихийно, станет ли он результатом оживления и у нас широко распространенного в мире трехстороннего социального партнерства (государство - работодатель - профсоюз), трудно сейчас сказать. Но одно ясно: преднамеренно насаждавшаяся в течение многих десятилетий бедность в стране всегда была и остается тем главным тормозом, который не позволяет ей занять в мировой цивилизации место, отвечающее ее масштабам, ее культуре, ее природным и человеческим ресурсам.

Таким образом, при благожелательном и по возможности непредвзятом взгляде на вещи баланс между пессимистическим и оптимистическим прогнозом развития России в ближайшие полвека складывается примерно в соотношении 49:51 в пользу последнего. Разумеется, еще более важную роль, чем логика, в подобных оценках играет вера: кто-то верит в катастрофу, кто-то в лучшее будущее - так оно было и так будет всегда. Но даже если руководствоваться одной чистой логикой, нельзя ни понять, ни тем более

оправдать упорное отрицание нынешними российскими верхами необходимости иметь ясный для всех - и для властей, и для бизнеса, и для самой широкой общественности, и для наших зарубежных партнеров тоже - стратегический, долгосрочный план развития страны, который среди прочего включал бы в себя также и долгосрочную структурную (промышленную) политику. «Авось куда-нибудь кривая сама вывезет» - этот известный принцип для многих, конечно, удобен. Но он никак не удобен для страны, внезапно потерявшей свою прежнюю цель и не обретшей до сих пор вместо нее ничего, что отвечало бы уверенному продолжению ее от века «самостоятельной истории».

* * *

А в качестве своеобразного итога этой самонадеянной попытки заглянуть куда-то в середину нынешнего века не вредно было бы, думается, вспомнить мысль, высказанную как-то нашим крупнейшим математиком и футурологом академиком Н.Н. Моисеевым (однажды всполошившим, между прочим, весь мир своим прогнозом «ядерной зимы»): нет смысла загадывать и прогнозировать дальше чем на 15-20 лет вперед, ибо за это время в мире обязательно произойдет что-нибудь такое, что перевернет все с ног на голову. Кто-нибудь мог, к примеру, предсказать даже не за 20, а всего лишь за 5 лет до того, такое всемирно-историческое событие, как внезапный самораспад Советского Союза? Или трагедию 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке? Или, скажем, кто знает, как отреагирует мировое общество, если в предстоящие полвека на Землю вдруг все же опустится долгожданный корабль каких-нибудь инопланетян?

В отношении же обсуждаемой здесь проблемы можно, пользуясь этим временным критерием, с достаточной уверенностью сказать, пожалуй, лишь одно: через 15-20 лет Россия наконец расплатится по всем своим и старым, и новым счетам. А что дальше будет, то знает, вероятно, лишь шиш Верховный Судия.

